

Причина, по которой среди чиновников поднялся невообразимый шум, была до крайности проста. Вот уже почти три года между империей Сун и Западным Ся не вспыхивало крупных войн, а редкие пограничные стычки оставались не более чем мелкими усобицами.

Но теперь выяснилось, что Западное Ся умудрилось заслать лазутчиков в самое сердце Великой Сун — в столичный Кайфэн! И ладно бы они просто шпионили, так ведь они убивали придворных чиновников и сговаривались с разбойничьими кланами цзянху, чтобы переписать архивные дела в столичной управе Кайфэна. Да это же прямой вызов империи!

Малое утреннее совещание завершилось в гнетущей атмосфере. Советники и министры расходились с тяжелым сердцем.

Как только собрание закончилось, Чжао Цзи доложили, что аудиенции просит Ли Сюньхуань.

Император поудобнее устроился на троне, а затем перебрался в расположенный позади Зал Пурпурного Созвездия, чтобы принять гостя. Он рассудил так: когда Младший призер Ли закончит свой доклад, можно будет заодно вызвать Чжуймина или Тешоу, чтобы поторопить Божественного маркиза Чжугэ с расследованием.

Евнух почтительно ввел Ли Сюньхуаня в чертоги Зала Пурпурного Созвездия.

Совершив все положенные церемонии и поклонившись Его Величеству, гость бережно достал из-за пазухи книгу и передал ее стоявшему подле Чжао Цзи евнуху Сяо Тунци.

Когда слуга подбежал поближе, держа в руках поднос, Чжао Цзи мельком взглянул на обложку, и глаза его едва не округлились от крайнего изумления.

«...„Сокровищница Ляньхуа“?!»

Ошеломленный император мгновенно воспрянул духом. Точно! Как он мог позабыть об этом!

Создатель этой бесценной рукописи, Ван Ляньхуа, в былые времена прославился в цзянху как заклятый друг и соперник Шэнь Лана. Этот человек обладал поистине феноменальными знаниями и умел абсолютно все. В свое время Старец Небесных Тайн рассказывал Ли Сюньхуаню, что перед тем как Ван Ляньхуа вместе со своим другом Шэнь Ланом и его супругой навсегда отплыли за океан, он страстно желал передать этот труд, в который вложил душу и все свои силы, именно Ли Сюньхуаню. Но того не оказалось поблизости. Считая, что он безупречно разбирается в людях, Ван Ляньхуа в итоге вверил книгу Линь Шиинь — женщине, чье сердце безраздельно принадлежало Сюньхуаню.

Дальнейшие события развивались извилисто и трагично.

Ли Сюньхуань во время своих странствий получил тяжелую рану, и его спас Лун Сяюнь.

Привезя спасителя в родные края, Ли столкнулся с его коварством: тот решил воспользоваться долгом жизни, чтобы забрать себе Линь Шиинь. Изводя себя саморазрушением, Ли Сюньхуань сутками пропадал в Павильоне Десяти Тысяч Цветов, пока наконец силой не вынудил любимую уйти к сопернику и выйти за него замуж.

В конце концов несчастный влюбленный покинул Срединную равнину и ушел на север, за Великую стену, а Лун Сяюнь прибрал к рукам Усадьбу Ли и женился на Линь Шиинь. О книге с тех пор никто не слышал.

Чжао Цзи шумно выдохнул сквозь зубы.

Он то переводил взгляд на Ли Сюньхуаня, то вновь опускал глаза на лежащий перед ним фолиант.

«Я ведь всего лишь хотел поддержать своего кумира... Кто бы мог подумать, что обычный императорский указ с требованием ускорить свадьбу обернется такой щедрой наградой — обретением легендарного манускрипта?»

И с какой стати Ли Сюньхуань решил преподнести этот шедевр именно ему? Неужели он не осознает, какая невероятная ценность попала к нему в руки? В оригинальной истории Старец Небесных Тайн лишь вскользь упоминал об этой книге, но даже этих крох хватало, чтобы понять: на страницах манускрипта сокрыты секреты маскировки, магии гу, подчинения чужого разума, приготовления редчайших ядов, гадания по звездам, а также тайные техники совершенствования внутренней силы самого Ван Ляньхуа.

Если бы подобное сокровище оказалось в цзянху, за него без промедления пролились бы реки крови, а мастера боевых искусств со всей Поднебесной перегрызли бы друг другу глотки.

Император ничуть не сомневался, что Ли Сюньхуань в конце концов преодолеет свою упрямую гордость и женится на Линь Шиинь, а та после свадьбы отдаст мужу «Сокровищницу Ляньхуа».

Но то, что Ли Сюньхуань принесет реликвию во дворец, стало полной неожиданностью.

Насколько помнил Чжао Цзи, Ван Ляньхуа велел Ли Сюньхуаню отыскать для своей школы достойного преемника. Разве преемников не ищут среди вольных воинов и великих героев цзянху? Зачем нести рукопись правителю?

Заметив замешательство на лице императора и решив, что государь не ведает о сути этого подношения, Ли Сюньхуань заговорил тихим, но уверенным голосом:

— Сия книга написана покойным Ван Ляньхуа и вобрала в себя весь его жизненный опыт и мудрость, накопленную в странствиях по цзянху. По скромному мнению вашего слуги, многие из описанных здесь искусств таят в себе слишком большую угрозу. Им не место в руках

вольных воинов. Посему я счел за благо преподнести это сокровище Вашему Величеству.

В этот миг Чжао Цзи все окончательно понял.

Ли Сюньхуань попросту не желал, чтобы столь опасные тайны продолжали будоражить цзянху. Он решил передать их государству.

А государство в лице Чжао Цзи с превеликим удовольствием и чистой совестью принимало этот щедрый дар.

— Мы все понимаем, — расплылся в довольной улыбке император, забирая книгу с подноса. — Можешь не сомневаться, Мы лично позаботимся о том, чтобы этот манускрипт хранился под надежной охраной. Ты проявил великую преданность и заботу о покое Поднебесной.

Высказав слова благодарности, Ли Сюньхуань откланялся и покинул зал.

Как только за гостем закрылись двери, Чжао Цзи велел Сяо Тунцзи поскорее разыскать и позвать Чжуймина, а сам с увлечением принялся листать страницы «Сокровищницы Ляньхуа».

Раздел, посвященный развитию внутренней энергии, явно вступал в конфликт с той техникой, которую практиковал сам Чжао Цзи. Мельком проглядев сухие строчки описания меридианов, он без сожаления перевернул несколько страниц.

А вот дальше начиналось самое интересное — описание боевых приемов и движений.

Обычно боевые стили неразрывно связаны с циркуляцией внутренней силы. К примеру, мощная и глубокая энергия Сяо Ци требовала широких, размашистых и сокрушительных ударов.

Однако здешние приемы, вопреки всякой логике, ничуть не конфликтовали со стилем Чжао Цзи.

Увлечшись, император принялся слегка покачивать руками, мысленно примеряя движения на себя и рассекая пальцами воздух. Написанное казалось не просто действенным — оно сулило невероятную выгоду в реальном бою! Полностью погрузившись в чтение, он то и дело не сдерживал восхищенных возгласов:

— Надо же!

— Ого!

— Вот оно как!

— А это весьма недурно!

Время пролетело незаметно, и он опомнился лишь тогда, когда в залу вошел Чжуймин.

Чжуймин принимал непосредственное участие во вчерашнем ночном столкновении и имел редкую возможность издали созерцать Его Величество в женском платье. И пусть лицо государя тогда скрывал неестественно толстый слой белил и румян, правитель все же действовал бок о бок с Бандой нищих, лично выкрал Сян Ланчоу и провел с тем наедине какое-то время.

Сегодня утром уставшие после изнурительной ночной смены Уцин и Лэнсюэ, чьи лица выражали крайнюю озабоченность, встретились с Чжуймином и Тешоу, которые сладко проспали всю вторую половину ночи. После короткого обмена новостями вся четверка сыщиков уже прекрасно понимала, что к чему.

Склонившись в глубоком поклоне, Чжуймин изо всех сил старался прогнать из мыслей образ вчерашней девицы с густо напудренным лицом, больше походившей на ожившее привидение. У него попросту не хватало духу поднять глаза и встретиться с императором взглядом, а потому он послушно уставился в каменный пол и начал доклад.

— Позвольте доложить Вашему Величеству. Сегодня на рассвете дядюшка Чжугэ сумел разыскать и забрать тело Цуй Мина. Однако эта находка принесла новые трудности. Дядюшка полагает, что с останками творится нечто странное.

Отложив бесценную рукопись в сторону, Чжао Цзи нахмурился:

— О чем ты? Что с ними не так?

— Дядюшка утверждает, что, судя по степени разложения, время смерти Цуй Мина не совпадает с официальной датой. Похоже, несчастный расстался с жизнью гораздо раньше, чем принято считать.

— «Похоже»? — недоверчиво переспросил Чжао Цзи. — Что значит «похоже»? Вы разве не привлекали к осмотру коронеров? Мы сейчас же отдадим приказ Министерству наказаний, чтобы они выделили лучших специалистов для этого дела.

— Осмотр проводился, — покачал головой Чжуймин. — Однако с момента гибели Цуй Мина утекло слишком много времени, и внешних факторов оказалось чересчур много. Дядюшка приглашал пятерых или шестерых опытных коронеров, но никто из них так и не смог вынести точного заключения. Возможно, столичные чиновники из Министерства наказаний окажутся искуснее, но и они вряд ли сумеют назвать точный день.

Чжао Цзи понимал, что дело принимает скверный оборот.

— Если даже королевские судмедэксперты бессильны, то кто тогда справится?

— Дядюшка упомянул, что у него есть близкий друг, искушенный в тонкостях посмертных вскрытий и повторных осмотров. Он безупречно знает судебное дело и никогда не ошибается в своих выводах. Возможно, именно ему под силу разгадать эту загадку.

Император оживился:

— Раз так, немедленно призовите его к Нам.

— В настоящее время этот человек находится в Лояне, исполняя обязанности судебного инспектора и объезжая с проверками подвластные земли.

Быстро прикинув в уме расстояние от столицы до Лояна, Чжао Цзи решил, что доставить чиновника во дворец не составит особого труда.

— Как его имя? Мы сию минуту начертаем указ, дабы он немедленно прибыл в столицу.

Чжуймин отчетливо, разделяя каждое слово, произнес:

— Судебный инспектор Лояна, Сун Хуэйфу. В миру — Сун Цзы.

Левая рука Чжао Цзи, уже занесенная над бумагой для написания указа, внезапно замерла.

— Кто?!

— Сун Хуэйфу.

— Назови настоящее имя, а не второе, — потребовал император.

—... Сун Цзы.

«Сун Цзы?! Коронер? Судебный инспектор?! Неужто тот самый легендарный Сун Цзы, родоначальник судебной медицины?!»

От этой мысли Чжао Цзи пришел в неописуемый восторг.

«О, этого человека я просто обожаю!»

Пребывая в прекрасном расположении духа, он стремительно вывел строки указа и, даже не дожидаясь, пока высохнет тушь, бросил свиток в руки Сяо Тунцзи:

— Снарядить самых резвых коней! Мчаться во весь опор в Лоян и немедленно доставить Сун Цзы пред Наши очи!

Евнух поймал свиток и уже собирался со всех ног броситься прочь, как император резко окликнул его:

— Погоди.

Сяо Тунцзи послушно замер на месте и повернулся, ожидая дальнейших распоряжений.

— Передай тем, кто отправится в путь: пусть берегут Сун Цзы как зеницу ока.

Если этот человек действительно был тем самым великим мастером своего дела, о котором думал Чжао Цзи, то он являлся бесценным сокровищем для всей империи! К тому же, в отличие от закаленных в боях мастеров боевых искусств вроде Ли Сюньхуаня, Уцина или Лэнсюэ, он был обычным хрупким книжником, а потому нуждался в особой заботе и бережном отношении.

Получив столь странное напутствие, вконец запутавшийся Сяо Тунцзи прижал указ к груди и поспешил покинуть зал.

Оставшись один, Чжао Цзи довольно заулыбался, принимаясь загибать пальцы и подсчитывать свои силы.

Четыре великих сыщика, Божественный маркиз Чжугэ, Ли Сюньхуань, а теперь еще и Сун Цзы. Прекрасно, просто великолепно!

Он опустил взгляд на Чжуймина, все еще стоявшего на коленях, и вопросительно приподнял бровь:

— Что-то еще?

— Перед тем как явиться во дворец, ваш слуга повстречал Тешоу, которому было поручено проверить военный склад, — продолжил сыщик. — Он сообщил, что там не обнаружено никаких странностей или пропаж.

Чжао Цзи задумчиво потер подбородок:

— Выходит, зацепка лишь одна — тело Цуй Мина, а поиски на оружейном складе зашли в тупик? Единственная нить ведет к мертвецу, но сможем ли мы вывести у него правду — большой вопрос.

Разочарованно вздохнув, император вновь взялся за кисть:

— Что ж, Мы все равно подготовим указ. Возьмешь его и отправишься в Министерство наказаний. Пусть их люди приступят к осмотру прямо сейчас, не теряя времени. Посмотрим, на что они способны.

В те далекие времена уровень развития медицины не позволял с точностью установить время кончины человека, а погода с каждым днем становилась все жарче. Промедление грозило тем, что через несколько дней плоть начнет стремительно гнить, и тогда даже великому Сун Цзы будет не под силу раскрыть эту тайну.

Поэтому следовало дать шанс столичным лекарям и дознавателям из Министерства наказаний проявить себя.

Чжуймин послушно придвинулся ближе, держа руки поднятыми над головой, чтобы принять свиток.

Лишь теперь Чжао Цзи обратил внимание, что с самого момента своего появления во дворец сыщик вел себя крайне странно, словно отчаянно пытался втянуть голову в плечи и слиться с полом.

Император с недоумением убрал указ назад и смерил гостя подозрительным взглядом:

— У тебя что, шея повреждена?

Услышав этот вопрос, Чжуймин опустил голову еще ниже:

— Никак нет, Ваше Величество. Все в порядке.

— Тогда к чему этот нелепый вид? Подними лицо.

Чжуймин обреченно замер.

Зажмурившись и изо всех сил стараясь изгнать из памяти вчерашний кошмарный образ густо набеленной девицы, он, точно перед прыжком в бездну, резко вскинул голову —

и натолкнулся на искренне недоумевающий взгляд своего государя.

«Да быть не может! Как одно лицо может настолько отличаться от вчерашнего?!»

Вглядываясь в благородные черты лица правителя, Чжуймин с изумлением осознал, что оно не имеет абсолютно ничего общего с той карикатурной маской, которую он созерцал прошлой ночью. Вспомнив о последней важной просьбе, которую его просил передать Уцин, он слегка нахмурился:

— Ваше Величество, Уцин просил передать, что он слаб ногами, а его фигура и осанка слишком хорошо известны в военных кругах. Он опасается, что даже под самым плотным слоем грима его могут с легкостью узнать.

— Не беспокойся об этом, — беспечно отмахнулся Чжао Цзи. — Мы сами займемся маскировкой.

— Прощу прощения?... — растерянно переспросил Чжуймин.

Заметив неподдельное удивление на лице сыщика, Чжао Цзи шутливо помахал у него перед носом подаренной «Сокровищницей Ляньхуа»:

— Мы, конечно, еще только осваиваем это искусство, но успели мельком пролистать рукопись. Описанные там способы изменения внешности не кажутся Нам слишком сложными. Вы пока просто создавайте видимость бурной деятельности вокруг Уцина, а когда Мы немного набьем руку, то лично загримируем тебя под Наш вчерашний образ. Обещаем, никто не отличит тебя от той девицы.

Произнося эти слова, Чжао Цзи невольно вспомнил утреннее отражение в зеркале и мысленно усмехнулся.

«Даже если я не слишком преуспею в тонкостях маскировки, навести на лицо подобный ужас большого ума не надо. Главное — побольше белил и румян, а остальное приложится»